

Т. МОРОЗОВА

У ПАВЛА ВЛАДИМИРОВИЧА ЗАСОДИМСКОГО

В АВГУСТЕ 1911 года моя мать собралась, наконец, навестить Засодимских*. Старики уже давно звали ее и просили привезти детей.

Отец моей матери — Павел Николаевич Богданов — был родным братом жены писателя, и семьи были очень близки. Когда Богдановы поселились под Петербургом, мать часто после занятий в гимназии заходила к Засодимским и оставалась погостить у них с субботы на воскресенье. Лето же она не раз проводила вместе с ними в деревне. Засодимские, у которых своих детей не было (умерли в младенчестве), привязались к живой ласковой девочке Веруныке — так звали ее родные. Для нее же дядя Павел и тетя Саша стали самыми близкими, после родителей, людьми. Мать говорила мне, что ей у Засодимских было так легко и тепло, что она могла и в детские годы, и впоследствии делиться с ними всем, что лежало у нее на душе.

В 1901 году врачи посоветовали моему деду переехать на юг, и он с семьей устроился в Харькове. Там, на Украине, моя мать вышла замуж, там родилась я, а затем появилась на свет и моя сестра.

И вот после десяти лет разлуки мать решила повидаться с Засодимскими. Они к тому времени тоже оставили Петербург и поселились в имении Жадины Новгородской губернии. В далекие незнакомые Жадины мы и отправились с матерью.

Имена дедушки и бабушки Засодимских, как называли мы их в отличие от родных деда и бабки, были нам уже давно знакомы и окружены особым ореолом, который создавался отношением к ним старших: матери и бабушки. Мама часто и охотно рассказывала нам о них, разумеется, отбирая доступное нашему возрасту. Но и ее собственные воспоминания — это впечатления детских и юношеских лет: ей было 17 лет, когда она покинула Петербург.

Предстоящая поездка оживила эти рас-

сказы. Мы уже знали, что дедушка пишет замечательные книги, знали о Фиме, о том, как они все вместе пели, подражая колокольному звону, о том, что у дедушки был любимый кот Матросик... Мы ехали по железной дороге с пересадкой в Москве и еще на одной станции — Угловке — до маленького уездного города Боровичи. От Боровичей до Жадин нас везла ямщицкая тройка с колокольчиками. Ехали мы по лесным дорогам и еловым перелескам, среди вспаханных полей и через деревни.

Когда подъезжали к деревне, мальчишки, слышав приближающиеся колокольчики, бежали к околице, распахивали перед нами широкие низенькие ворота и с азартом кричали: «За ворота! За ворота!» Ребята знали: ямщику не придется останавливать лошадей, слезать с облучка — и требовали награды. Мама, как оказалось, отлично понимала ребят и заранее приготовила большой кулек леденцев в ярких разноцветных бумажках. И мы радостно и щедро бросали ребятам полные горсти редкого для них лакомства. Мама сказала, что не деньги, а леденцы всегда запасал в качестве «поворотных» дядя Павел.

И северная неяркая природа, и серые, с высокими крышами избы в деревеньках, столь не похожие на живописные хаты украинских сел, и эти стайки мальчишек — все было ново и необычно.

По узкой дороге едем среди вспаханных полей. Внезапно на кажущейся необозримой пашне мой взор привлекает видневшаяся вдалеке одинокая фигура крестьянина. Он медленно, слегка покачиваясь, двигался по пашне и делал непонятные для меня движения рукой. У его пояса был прикреплен какой-то предмет.

— Что он делает? — спросила я.

— Он сеет хлеб, — ответила мама.

И пока мы ехали полями, перед моим взором, то скрываясь за холмом, то вновь возникая на горизонте, маячила, неотступно притягивая внимание, эта странно одинокая среди пустынных полей фигура крестьянина. Когда, уже взрослой, я начала читать роман П. В. Засодимского «По градам и вёсям», у меня внезапно перехватило дыхание. Из книги, с первых же ее страниц,

* Сейчас очень часто неправильно произносят фамилию писателя: на польский манер, с ударением на предпоследнем слоге. Сам Павел Владимирович и его близкие всегда произносили с ударением на «о» — Засодимский.

смотрел на меня тот самый крестьянин, который некогда встретился мне на дорогах новгородской земли.

...Телегу, на которой едет герой романа Верюгин, тащила по степям и полям пара крестьянских лошадей. Поля раскидывались во все стороны, уходили вдаль, и не было видно им конца. Стая ворон с глухим карканьем кружилась над вспаханной полосами. Мужик, обдерганный, обторханный, пошатываясь, ходил по полю, склонившись над сохой. Медленно брела его тощая, усталая кляча...

Верюгин задремал. Проснувшись, он увидел перед собой ту же картину... Проехали еще верст десять. И опять перед ним все то же серое небо, полосы вспаханной земли, стаи ворон над ними, а вдали как будто тот же грязный, лохматый мужик понуро ходит за сохой.

— Что это? — спрашивала я себя в волнении. — Случайное совпадение? Или — типичная фигура? Для героя романа и для его автора «Вечный Мужик за своей сохой» — «эмблема земли русской».*

Для меня образ виденного мной крестьянина стал символом старой, ушедшей в прошлое Руси и одновременно символом творчества П. В. Засодимского.

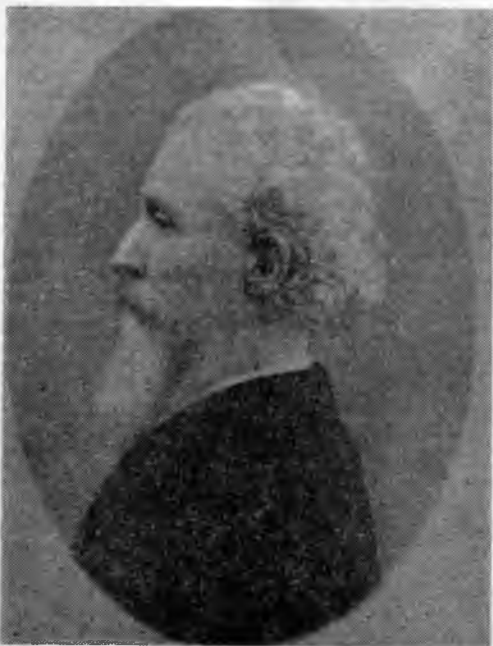
Я не помню, как произошла наша с Засодимскими встреча. Но навсегда в моей памяти запечатлелся образ высокого, стройного, красивого старика с длинными, вьющимися, совершенно седыми волосами, большой белой бородой и светло-голубыми глазами. Запомнилась его бархатная темная куртка (эти куртки шила и дарила ему моя родная бабушка Софья Александровна), высокие, заходившие за колени сапоги. А рядом небольшого роста, полная, тоже совершенно седая подруга его жизни Александра Николаевна — бабушка Саша.

Все нашли, что моя сестра похожа на Александру Николаевну, и бабушка Саша гладила ее по коротко стриженной головке, приговаривая: «Ах ты мой пыжик! Чижик-пыжик!»

Павел Владимирович, как мне помнится, был мало разговорчив, серьезен, несколько даже замкнут, нам, детям, не уделял большого внимания. Только два маленьких случая из нашего общения с ним запомнились мне. У дедушки была большая кружка с музыкой. Он заводил ее, чтобы позабавить нас, и под нежную мелодию, звучащую из глубин кружки, пил чай или молоко.

Однажды за столом, наливая себе чай на блюдце, я провела чашкой о край блюда, чтобы капли, стекавшие по ее наружной стороне, не попали на стол. Чашка своей тяжестью накренила блюдце, и чай пролился.

— Какая неаккуратная девочка! — с укором сказала мне мама, которой, вероятно,

П. В. Засодимский.

была неприятна моя неловкость. Я страшно смутилась.

— Наоборот, аккуратная, — неожиданно раздался спокойный голос дедушки. — Она старалась не запачкать скатерть, и чай пролила случайно...

У меня отлегло от сердца. Несмотря на всю незначительность этого эпизода, в нем проявилась неизменная чуткость и доброжелательность Павла Владимировича.

Мама впоследствии говорила мне, что Павлу Владимировичу в большой мере был свойствен юмор: он любил и умел пошутить. Я этого не почувствовала. Он был прост, но сдержан. Мы с сестрой даже несколько стеснялись его. Правда, надо помнить, что это лето было последним в его жизни, а в последние годы он болезненно ощущал свою оторванность от современности и много хворал.

Жадины утопали в зелени. У небольшого одноэтажного домика из четырех комнат, в котором жили Засодимские, был разбит цветник, душистый горошек обвивал террасу. Невдалеке стояли высокие леса. Несколько раз мы ходили компанией в лес. Но дедушка, нежно любивший природу, предпочитал гулять один. Он надевал шляпу, брал в руки палку и книгу и уходил надолго. Иногда он приносил с прогулки бедные осенние цветы. Из позднейших рассказов я знаю, что два места особенно нравились Павлу Владимировичу: необыкновенная по живописности Россолыха и «Святынька» — уединенно стоявшая над источником старенькая часовня. Зимой — до

* П. В. Засодимский. Собр. соч., т. II, СПб, 1895, стр. 298, 299.

последнего года жизни — Павел Владимирович совершал лесные прогулки на лыжах.

Из совместных прогулок помню поездку на маслябюню, расположенную в лесу. Нас угостили не знакомым мне кушаньем — пахтаньем. Взрослые о чем-то много и горячо говорили.

Однажды мы ездили из Жадин в Опеченский посад смотреть дом, который Засодимские собирались купить.

В конце августа за нами приехал мой отец, и мы отправились домой. В этом же году, в последних числах сентября, Засодимские переехали в Опеченский посад.

Весной 1912 года моя мать была встречена письмами о болезни Павла Владимировича. 3-го мая она получила телеграмму о безнадёжности его состояния, а 4-го пришло сообщение о его смерти. Мама спешно выехала в Опеченский посад.

В 1912 году поздним летом мы больше месяца вновь гостили в доме Засодимских.

На высоком берегу быстрой Мсты пятью окнами к реке стоял деревянный дом с мезонином, выкрашенный светлой масляной краской. Терраса, как в Жадинах, была увита удивительно пахучим душистым горошком. Перед террасой красовался цветник. По его углам, на больших кустах, желтели головки золотых шаров. Позади дома — двор с сараем и бревенчатой деревянной банькой, за баней — огород. В старых деревьях на берегу Меты жило невообразимое количество галок, которые пронзительно кричали — особенно по утрам и вечерам. В доме было пять комнат. Две старые женщины жили в нем: вдова писателя и домашняя работница Засодимских Евфимья Васильевна Павлова, или, как звали ее близкие, — Фима.

Все в доме осталось так, как было при жизни писателя. Обстановка очень скромная, но порядок и чистота царствовали всюду, как и прежде. Большей казалась мне комната дедушки. Мы поселились в ней. Хорошо помню лежанку из белого гладкого изразца и, кроме письменного стола, конторку, прикрепленную к стене между двух окон. Павел Владимирович часто писал и читал стоя. И распорядок дня сохранился прежний: вставали рано — до 7 утра, завтракали, рано обедали, в 5 пили чай, в 6 ужинали и около 10 ложились спать. Этого порядка Александра Николаевна придерживалась до последних дней своей жизни.*

Поездки к Засодимским стали для меня, девочки, выросшей в большом городе на Украине, приобщением к природе нашего Севера, к русскому крестьянскому быту, к северной деревенской Руси. В непосредственном детском восприятии раскрывался тот мир, впечатления которого питали творчество писателя. Сам Павел Владими-

рович говорил, что половину жизни он провел в деревне, среди народа.

Обширные леса, мшистая почва, обилие грибов, которые приносили в дом крестьяне в плетеных лукошках и которые собирали мы сами, ягоды — брусника, черника, подернутая сизой дымкой голубика, — непривычные обороты речи — все это тесно связывалось в моем сознании с природой и бытом, окружавшими Засодимских. В речи самого Павла Владимировича было что-то неуловимо своеобразное: до конца своих дней он сохранил родное вологодское «оканье».

Вот бабушка Саша вспоминает об учительской деятельности в деревне. Приходилось учить не только грамоте и счету, но и «закону божьему». И деревенская девочка излагает библейскую легенду о грехопадении первых людей:

— Адам, Адам, съешь картошки!

— Картошки? — с недоумением переспрашивает бабушка Саша и тут же соображает: в северной деревенской глуши не видели яблок, картошка же — земляное яблоко...

Фима, крестьянка Тверской губернии, рассказывает нам сказку. Ее она рассказывала и моей матери, когда та была маленькой. «Месяц светит, звезды блещут, муж с женой по полю едут». Муж, в чем с ужасом убеждается жена, — мертвец. «Жена, жена, боишься ль ты меня?» — понизив голос до баса, поистине «загробным» голосом спрашивает Фима от лица мужа. И тут же за жену, объятую страхом, тоненьким, дрожащим голоском, с заискивающими нотками в тоне отвечает: «Чего же мне тебя, моего муженька, бояться?!» Муж три раза повторяет свой вопрос, очевидно, требуя все новых подтверждений преданности жены в этих роковых обстоятельствах.

И если я не осознаю, то всем существом ощущаю в трепетно-робких и угодливых словах жены, так противоречащих ее истинным чувствам, вековую подчиненность и приниженность русской крестьянской женщины...

Был какой-то церковный праздник. Фима собралась в далекую лесную часовню (хотя в Опеченском посаде была своя церковь) и взяла с собою меня. Мы шли долго, и мне захотелось пить. Проходя через деревню, Фима стукнула в окно ближайшей избы. Старая крестьянка вынесла нам ковшик со светло-желтым деревенским квасом. Этот старенький жестяной ковшик, этот светлый квас и протянувшая его мне худая темная рука запомнились необыкновенно, запомнились навсегда...

Большим другом нашей детской жизни рано стала книга. И с первых же лет в круг моего чтения вошли произведения для детей П. В. Засодимского. Бабушка Саша постоянно присылала нам книги, выписывала детские журналы («Светлячок»,

* В работах о П. В. Засодимском неправильно указывают 1920 год как год смерти Александры Николаевны. Она родилась 8 марта 1853 года, умерла в последних числах апреля 1926 года.

«Мурзилка»), регулярно покупали книги мои родители. Мы уже знали сказки братьев Гримм и Андерсена, русские народные сказки, читали доступные для детей произведения Пушкина и Л. Толстого, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, потрясающую книгу Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» и книги других авторов, русских и иностранных.

«Вечера на хуторе близ Диканьки»... Это был окружающий тебя мир. Казалось, выйдя за черту города, и там, в ближайших селах, ты встретишь Параску и Оксану, Грицьку и Вакулу, Солоху и Хиврю. И все-таки это было иногда страшной и грустной, но чаще веселой сказкой.

«Задуманные рассказы» Засодимского, его «Бывальщины и сказки» вводили в большую и настоящую жизнь, в повседневный и вместе с тем не знакомый нам быт русской деревни и городской бедноты. Написанные для детей, они рассказывали не только о детях, но и о взрослых, об их серьезных горестях и заботах. Проникнутые искренним чувством любви к простому человеку, чаще печальные, чем радостные, они трогали сердце и закладывали в детском сознании основы глубокой человечности.

Особенно запомнился мне рассказ «Дочь угольщика». Как понимаю я теперь, в нем содержится несколько народнически прямолинейное противопоставление деревни городу. Но какими впечатлениями обогащали детскую душу образы этого произведения? Чему учил Засодимский юного читателя? Вместе с героиней рассказа, городской девочкой из обеспеченной семьи, я побывала в лесной избушке угольщика, познакомилась с его дочерью, моей сверстницей, девочкой умелой, ловкой и смелой, побродила с ней по лесу, побеседовала и вернулась домой, исполненная глубокого уважения к труду извечного кормильца русской земли — человека деревни — и страстного стремления делать какое-то свое полезное дело.

Есть у Засодимского и другого рода рассказы — например, «Джордано Бруно». Подлинному героизму, принципиальности, душевной стойкости учит этот рассказ. Страх смерти чужд герою рассказа, и выше всех наслаждений ставил он в жизни борьбу за истину... Это впитывалось молодым сознанием, усваивалось как единственная норма поведения. Это подкреплялось и личностью самого Засодимского, связь с которым не просто усиливала культурные интересы в нашей семье: она вносила в нашу жизнь какое-то высокое моральное и общественное начало, из книжных отвлеченностей становилось воплощаемой в жизнь реальностью, непрременной и обязательной.

Не случайно для своих современников Засодимский был образцом кристальной чистоты и принципиальности. Интересны в этом отношении признания А. И. Эртеля. Он говорит о своем восторженном преклонении перед Засодимским и о своеобразном нрав-

ственном перерождении, пережитом под влиянием знакомства с ним.*

Л. П. Шелгунова, жена известного публициста, соратника Н. Г. Чернышевского, в своих воспоминаниях говорит, что она не только уважала Засодимских, но и нежно их любила за их душевные качества. Никакие соблазны материального благополучия не могли, как она считала, заставить их поступиться своими убеждениями.**

О строгой принципиальности Засодимского говорят все современники. И действительно, мягкий и деликатный, Павел Владимирович отличался необыкновенной душевной твердостью, нравственной и гражданской стойкостью.

Мать рассказывала нам, как девочкой лет восьми она ездила со своей матерью навестить Павла Владимировича в Любань, где писатель, высланный из Петербурга за речь на похоронах Н. В. Шелгунова, жил одно время. Ей запомнилась простая, но чистая крестьянская изба, деревянная кровать, табуретка у кровати и стол, за которым Павел Владимирович работал. Запомнилось ей и ее собственное чувство жалости к Засодимскому, который за то, что открыто говорил правду, должен жить вдали от города и родных.

Не довольствуясь литературным творчеством, писатель постоянно откликался на запросы жизни и непосредственно. В голодный 1892 год заодно с Короленко, Чеховым и Л. Толстым Засодимский внес свою лепту в помощь голодавшим крестьянам Поволжья. Высланный из столицы, он жил в это время в Вологодской губернии. Там он и провел сбор хлеба и денег, добивался издания литературного сборника в пользу голодавших.

Не раз он брал на себя хлопоты о людях, пострадавших от произвола или формальности царской администрации. Мне рассказывали, как ему пришлось отстаивать крестьян, арестованных за то, что без разрешения начальства они, из суверенных соображений, перехоронили утонувшего односельчанина.

В Петербурге в конце 70-х гг. П. В. Засодимский создал большую библиотеку «общественного пользования». На углу Невского и Литейного, на фасаде дома № 80, виднелась белая вывеска, на которой черными буквами значилось: «Библиотека Павла Владимировича Засодимского». Как свидетельствуют ставшие теперь доступными материалы жандармского управления, это была библиотека, «устроенная на революционные средства и с революционными целями»*** Засодимский дал ей свое имя,

* А. И. Эртель. Письма. Ред. М. О. Гершензона. М., 1909, стр. 18, 28.

** Л. П. Шелгунова. Из далекого прошлого. СПб., 1901, стр. 305—306.

*** ЦГАОР СССР. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время 1882—1901 гг., т. IX.

вложил в ее организацию немало труда и «взял на себя официальную за нее ответственность». Одно время библиотекой заведовал писатель А. И. Эртель, а затем ее должен был возглавить Ф. М. Достоевский. Но книжным собранием, которое вплоть до 1883 г. «продолжало служить местом свиданий лиц, принадлежавших к революционному сообществу», заинтересовалась полиция. Библиотеку стали передавать из рук в руки, и конечная ее судьба неизвестна.

Помимо библиотеки «общественного пользования», у Павла Владимировича составлялась большая личная библиотека. Я слышала от родных, что огромную часть книг Засодимские отправили при отъезде из Петербурга на родину писателя — в Великий Устюг. Но и в Опеченском посаде в доме Засодимских было много книг. Павел Владимирович охотно давал их читать.

Павла Владимировича нередко приглашали выступать на благотворительных вечерах. Девочкой-подростком дважды ездила с ним моя мать. Один раз на вечер студентов-вологжан, другой — на вечер студентов Академии художеств, устраивавшийся в Таврическом дворце в феврале 1900 года.

Поездка на вечер вологжан окрасилась в воспоминаниях матери одним комическим сугубо домашним эпизодом. Готовясь к вечеру, Павел Владимирович, как обычно, расстался со своей бархатной блузой, облекся в сюртучную пару и, приготовив новые штиблеты, просил свою племянницу напомнить ему надеть их в последний момент — когда за ним придут студенты.

На вечере юная родственница писателя, торжественно и гордо сидевшая в первом

ряду кресел, заметила, что дядюшка, читавший с эстрады, вдруг растерянно приостановился и, как с ним бывало в моменты смущения, стал слегка заикаться... Овладев собой, он дочитал стихотворение до конца, а потом, полусуштя-полусерьезно, укорял свою племянницу: «Как же ты, Верунька, не напомнила мне переодеть штиблеты. Как взглянул я на свои старые, заплатанные... Это ты, Верунька, виновата!..»

На вечере своих земляков, которые очень тепло встречали и провожали писателя, Павел Владимирович прочел стихотворение, которое, как запомнилось моей матери, заканчивалось строками: «Для женщин каменных — палаты, а для живых приюта нет!» Это — стихотворение В. Н. Ладженского «Венеры». Листочек с аккуратно переписанным рукой Павла Владимировича текстом этого стихотворения, вероятно, тот самый листочек, который писатель держал в руках, выступая перед своими слушателями, сохранился в его архиве. Приведем полностью текст стихотворения «Венеры» на мотивы из Сюлли Прюдона:

Я посетил приют искусства —
Роскошный Лувр,
Чаруя взор, лаская чувства,
Сняла гордой наготой
Толпа Венер. Едва казался
Дворец царей достойным их,—
И я красую любовался
Их форм — холодных и нагих.
Я уходил. Передо мною
Печальный образ нищеты
Мелькнул с тревожною мольбою,
Но с той же властью красоты.

П. В. Засодимский в кругу родственников.

Лохмотья жалкие одежды,
 Печать страдания на челе
 И взор, молящий без надежды
 О лучшей доле на земле:
 Недавних дней живые муки,
 Блеск потухающих очей,
 Иглою исколотые руки,—
 Вот что я видел. Прочь скорей!
 Дитя несчастья и страдания,
 Торгуя на улицах собой;
 Мы приютили изваянья,
 Но мы не тронемся мольбой.
 Для красоты не жаль нам траты,
 Но вот суровый наш ответ:
 Для женщин мраморных — палаты,
 А для живых — приюта нет!»

Выбор стихотворения для публичного чтения весьма характерен. Павел Владимирович был человеком яркой индивидуальности. Но на его вкусах и понятиях лежал не менее ясно выраженный отпечаток времени.

В этот вечер пела А. Д. Вяльцева, приведшая молодых слушателей в неистовый восторг. К великому удивлению племянницы, дядюшка остался равнодушным к пению знаменитой исполнительницы цыганских романсов и песен. На восторженно-настойчивые вопросы племянницы он спокойно ответил: «Хорошо поет, особенно «Троечку», но я не поклонник такого пения...»

Ригоризм... Вкусы эпохи... Воспитанный на эстетике революционных демократов, почитатель Чернышевского и Некрасова, Засодимский признавал искусство, исполненное гражданского содержания.

Не раз моя мать вспоминала о елках, которые устраивались Засодимскими для «подвальных» детей. Девочкой она принимала участие в их подготовке и проведении. В Петербурге Засодимские долго жили в большом доме на Сергиевской улице.* Незадолго до рождения Фима отправлялась в подвал, где ютилась беднота, и выясняла количество ребятишек, их возраст и их нужды. На скромные средства Засодимские, жившие только на литературный заработок, собирали в своей квартире до 15 человек детей, каждому приготовив, кроме обычных елочных гостинцев, небольшой подарок: кому ситцу на рубашку, кому на платье, кому шапку, кому варежки и т. д. К этому присоединялась и книжка, по преимуществу сочинения Павла Владимировича. Елка проходила непринужденно и весело — в играх, беседах и чаепитии. Павел Владимирович в беседах с детьми принимал самое деятельное участие.

Традиция елок сохранилась у Засодимских на многие годы. Так, в письме к моей матери от 20 декабря 1907 года Александра Николаевна сообщает: «...у нас будет елка на первый день, будет 15 ребятишек, покажу им волшебный фонарь, будут ряже-

П. В. Засодимский на прогулке.

ные из подростков, прежних посетителей наших елок, будет музыка: балалайка и мандолина, тоже музыканты из прежних наших елошников».

Елки для бедных ребятишек устраивались и в Жадиных, и в Опеченском посаде. Из письма от 20 января 1910 года узнаем, что на елке было 28 детей. Александра Николаевна «показывала туманные картины и кинематограф, который специально выписала из Берлина за 10 рублей 65 копеек». «Восторг был полный», — заключает она.

В личной, интимной жизни сущность человека раскрывается с неменьшей ясностью, чем в общественной. Личная жизнь П. В. Засодимского кристально чиста, как и весь его моральный облик. Есть народное русское слово: суженые. Павел Владимирович и Александра Николаевна были сужеными в лучшем смысле этого слова: так крепки были основы их брака. Их взаимная привязанность, исполненная глубокой любви, непоколебимого уважения и доверия друг к другу, исключала все мелкое и пошлосе и помогла выдержать нелегкие испытания: и нужду, и длительные разлуки, и смерть детей.

На книге своих сочинений, подаренной Александре Николаевне 1-го января 1905 года, Павел Владимирович написал: «Жене моей, Александре Николаевне Засодимской, в течение тридцати пяти лет делившей со мною, как товарищ и друг, и радости и горе». Книга хранится у меня.

Александра Николаевна, слышавшая речь мужа на похоронах Н. В. Шелгунова, первая встревожилась за ее последствия.

* Сначала в доме № 61, затем в доме № 79, ныне ул. Чайковского.

Когда же Павел Владимирович был вызван к градоначальнику и, вернувшись, сообщил о своей немедленной высылке, Александра Николаевна произнесла всего два коротких слова: «Ну, вот!» «Ни жалобы, ни упреков более я не слышал от нее, — замечает Павел Владимирович. — А между тем мое внезапное удаление из Петербурга перевертывало вверх дном всю нашу жизнь...» * На следующий день писателя должны были отправить за пределы Петербургской губернии, но Александра Николаевна с верной Фимой, тоже желавшей проводить Павла Владимировича, до вечера безрезультатно дежурила на вокзале, провожая один поезд за другим: П. В. Засодимского и Н. К. Михайловского увезли на лошадах до промежуточной станции, опасаясь демонстрации на вокзале.

Домашний быт Засодимских был совершенно чужд богеме, прост и скромен. Дни были насыщены трудом, поддерживались связи с родными и небольшим кругом близких друзей, отмечались семейные и традиционные праздники.

Александра Николаевна окончила Надеждинские курсы фельдшерниц, работала акушеркой, сдала экзамен на сельскую учительницу. Но больше сил она отдала литературному труду: долгое время служила в редакции «Игрушечка» и сама писала для детей. Ее книга «Рассказы и сказки для маленьких детей» выдержала несколько изданий. Ради заработка Александра Николаевна составляла текст отрывных календарей, издававшихся И. Д. Сытиным. Мне известно, что ею составлены календари на 1908, 1909, 1911, 1912 и 1913 годы. Кроме того, она постоянно, до последних лет своей жизни занималась общественной деятельностью: была казначеем какого-то женского кружка, «почетной блюстительницей» великопорожской школы, хлопотала об открытии в Опеченском посаде ремесленного училища, возглавляла «Комитет о семьях запасных», ведала библиотекой и т. д.

После Октябрьской революции Александра Николаевна Засодимская получила пенсию и, мне кажется, испытывала глубокое удовлетворение, что заслуги ее мужа оценены.

В семье Засодимских царил доброе внимание к человеку. Наряду с большой требовательностью к себе и людям, в Засодимском было много сердечности и непод-

дельной простоты. В органическом сочетании строгой принципиальности и искренней глубокой душевности — источник личного обаяния Павла Владимировича Засодимского.

В доме Засодимских не было принято различать людей по положению и рангу. Писатель охотно общался с крестьянами, всегда здоровался с ними за руку и держался как с равными.

В этом доме любили детей, любили животных.

Здесь помогали всякому, кому нужно было помочь.

И люди привязывались к Засодимским прочно, надолго. Свыше 40 лет в доме Засодимских жила Фима, которую я хорошо помню. Она стала настоящим другом семьи, в течение всей ее жизни ей оказывали всяческое уважение. Дважды праздновали ее юбилей — 15- и 25-летие ее работы в доме Засодимских. В адресе, который был ей преподнесен, выражалась признательность за ее честный труд и сердечное отношение, благодаря которым Павел Владимирович и Александра Николаевна имели возможность спокойно и плодотворно работать.

Евфимья Васильевна пережила обоих Засодимских. В апреле 1926 года, в период последней болезни Александры Николаевны, моя мать писала домой из Опеченского посада: «Фима очень заботливо, терпеливо и внимательно ухаживает за тетей Сашей. И так умеет к ней подойти, что та ее слушается». Евфимья Васильевна был завещан дом Засодимских, и после кончины Александры Николаевны, продав его, она уехала в родную деревню Овсищи Тверской области и там умерла в 1928 г.

Одним из первых выступлений молодого Засодимского было обращение к русскому обществу с горячим призывом противодействовать расправам турецкого правительства с болгарским народом (1867). На склоне деятельности писателя болгарский социалист Г. Недялков предложил ему переселиться в Болгарию. Ему обещали твердое материальное положение, возможность широкой общественной деятельности. Засодимский отвечал: «Я родился на русской земле, жил и страдал вместе с русским народом, с ним я и останусь до конца»...

Он и остался с ним до конца... Имя Засодимского — в ряду тех замечательных русских писателей, жизнь которых и идеи, утверждаемые в творчестве, — поистине нерасторжимое единое целое.

* П. В. Засодимский. Из воспоминаний. М., изд. И. Д. Сытина, 1908, стр. 363.